

СОДЕРЖАНИЕ

От юбилея к юбилею. Вместо вступления.....	8
БОЛГАРИЯ В ПОИСКАХ ПРОЦВЕТАНИЯ	13
В ожидании чуда.....	16
С царем в голове	32
Куда пропали помидоры?.....	44
Богач, бедняк	54
Кто освободил Болгарию	63
ВЕНГРИЯ. КУБИК РУБИКА НА БЕРЕГАХ ДУНАЯ.....	73
Венгры и все остальные	75
Отец-основатель современной Венгрии.....	80
С трибуны партийных съездов в подполье	89
Кто шагает правой?.....	98
Шок и терапия.....	106
Энергетика всегда политика	110
Бренды, которые мы помним.....	115
Одной таблетки недостаточно.....	117
Вы нас помните? Тогда мы идем к вам!	121
Рокер с жемчужными волосами.....	127
Рисунки между строк	137
ГДР-ФРГ: ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЛИ АНШЛЮС?	141
Берлин. Разделенный город.....	145
Человек, который открыл Берлинскую стену.....	148

Я разделяю ответственность.....	157
Думать иначе — не преступление.....	163
Я, а не государство, распоряжаюсь своей жизнью.....	169
Не доносчик, не жертва, не борец	174
Остальгия: выжили не все	178
Тело как декларация	183
Страна единая, а люди разные	186
Не/вместе	193
ПОЛЬША. БОЛЬШЕ ЧЕМ СОСЕДКА.....	195
Прекрасна ли Варшава?.....	198
Человек из надежды	201
Романтики были правы	205
Эйфория и разочарование.....	210
К Европе свободных народов	219
Экономика с шоком и без.....	223
Интеллигентские кухни	232
История как оружие	246
Народ гибнет без искусства.....	260
Золотой самовар или деньги?.....	269
РУМЫНИЯ. ОСОБЫЙ ПУТЬ	275
Да здравствует! Революция?.....	278
Удобный враг.....	287
Так что это было?	295
История о потерянном времени.....	301
Компьютер как окно возможностей.....	313

Выбор будущего	325
Генерируя надежду	331
Румынский китч.....	336
ЧЕХОСЛОВАКИЯ. СТРАНА, КОТОРОЙ БОЛЬШЕ НЕТ.....	339
Бархат революции потускнел.....	342
Человек, убивший Чехословакию.....	344
Мы гордимся нашей демократией.....	355
Выживает смелейший.....	359
Амбиции — весь мир.....	362
С нами можно договориться.....	367
Страны нет, бренды остались.....	371
Играть честно — выгодно.....	374
Мы — лучше.....	379
Чешский соловей.....	384
Счастливая принцесса.....	387
Не перестроился.....	392
Все упирается в деньги.....	396
Соль земли.....	400
Пиво против вина.....	402
Пока политика не разлучит нас.....	406
И вновь продолжается бой. Вместо заключения.....	413

От юбилея к юбилею.

Вместо вступления

Этот проект родился, когда я прочитала новость о том, что олени в чешском национальном парке Шумава не ходят за железный занавес — границу с Германией, хотя она исчезла более четверти века назад. Оленей, ранивших бока об этот самый «занавес», уже нет, но и их потомки через границу не ходят. Ученые говорят: модель поведения закрепилась на генетическом уровне, и железный занавес жив в сознании. Как мне кажется, не только в оленьем.

Этот проект родился из попытки осмыслить свое прошлое и настоящее. Мы часто дискутировали с мамой о роли Михаила Горбачева в истории: кем он был — освободителем или человеком, из-за которого мы потеряли великую страну? Но ведь не только мы свою потеряли, хотя в своем эгоизме часто об этом забываем.

Этот проект родился из памяти. Я часто вспоминаю, как в самом конце 1980-х — начале 1990-х, когда СССР еще был жив, но мы уже перестали гордиться его историей, я увидела двух плачущих женщин. Они смотрели по телевизору документальный фильм, разоблачающий эпоху брежневского «застоя», и плакали, задавая вопросом: «На что мы потратили свою жизнь?». До того момента они были уверены, что жизнь проживают правильную, светлую и счастливую, а оказалось, что многое из того, во что они верили — ложь. По крайней мере, так все вокруг стали говорить. Им трудно было смириться с этой мыслью.

Конец восьмидесятых и «лихие девяностые» с их нехваткой всего прошли для меня почти беззаботно: в то время меня больше волновал первый поцелуй и остальное первое, что бывает в юности. Я училась в университете и купалась в ощущении свободы (нехватка денег, конечно, раздражала, но не слишком, тогда все так жили): на отделении философии, где я училась, говорить можно было обо всем, уже

отменили научный коммунизм, а историю КПСС заменили «историей демократических движений XX века», и это было куда интереснее. Как водится у молодых, мы открывали мир — и этот новый мир разительно отличался от мира наших пап и мам, многие из которых плакали тогда у телевизора.

Много лет спустя, в феврале 2020 года, во время Мюнхенской международной конференции по безопасности я говорила об этом времени с известным российским политологом, главным редактором журнала «Россия в глобальной политике» Федором Лукьяновым. Он, тоже бывший студентом в годы, потрясшие мир революциями (в основном все же мирными), вспоминал о нем так же, как и я: «Наверное, это самое счастливое и лучезарное время, потому что тогда действительно казалось, что все плохое уходит и наступает свобода. Свобода информации, открываются какие-то совершенно новые возможности, сугубо позитивные. Это был период невероятного, невозможного счастья, когда цензуры уже не было, а рынка еще не было. Было классно».

Но это была революция. В Беларуси, где я живу, она, к счастью, прошла бескровно. Потерянные деньги не в счет. Как говорила моя мама, потерявшая стоимость двух автомобилей (через много лет ей выплатили компенсацию, которой едва хватило на пару сапог): «Это же революция, деньги — самое меньшее, что мы могли потерять». Но она так и не рискнула признаться в этой потере бабушке, пережившей две мировые войны и любившей повторять: «Если будет вдоволь хлеба и картошки, чего люди еще захотят?». Оказалось, что люди хотят — всего. Свободы, путешествий и изобилия. Это же так естественно — хотеть всего этого.

Нам, родившимся в СССР и успевшим побыть хотя бы пионерами, в чем-то труднее, чем молодым, родившимся в 1990-е и позже. Потому что мы помним, что Узбекистан, Грузия и Литва с Молдовой — наша страна. У нас, белорусов, фантомные боли по поводу России и порой трудно провести разграничение «свой/соседский». К тому же мы привыкли гордиться общей историей. Но сегодня мы живем в новых координатах, стараясь при этом не забывать старые.

И, конечно, мы привыкли относиться к Восточной Европе совсем иначе, чем к Западной: на востоке, казалось нам, и люди душевнее, и любят нас там больше. Когда мы поняли, что это не так, это стало болезненным ударом.

Цель этой книги — рассказать о бывших социалистических странах: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии и Чехословакии

и людях, которые прошли через то же самое, что и мы, родившиеся в СССР, — революцию и изменение сознания и жизни. Мне хотелось поговорить с теми, кто вырос при социализме, и теми, кто его никогда не знал. Посмотреть, что стало с «флагманами социализма» — предприятиями, которыми страны когда-то гордились: смогли ли они пережить перестройку и переход на рыночные рельсы.

Проект «Без железного занавеса» начался в ноябре 2014 года, когда Германия и Восточная Европа широко праздновали 25-летие падения Берлинской стены — осязаемого символа того самого занавеса, который так долго разделял Европу и мир. Мне хотелось быть там, на берлинских улицах, с людьми — их были тысячи и тысячи, ликующие толпы, — которые ходили по городу, расцветенному большими белыми шарами — так обозначили периметр снесенной (и правильно!) стены. Сейчас, когда ты легко можешь стоять одной ногой в Восточном Берлине, а другой — в Западном, трудно представить, как между ними стояла стена. Я была на торжественном собрании в Концертхаусе и видела, какими аплодисментами встречали бывшего президента Польши Леха Валенсу, который, как он теперь говорит, «первым вырвал зубы русскому медведю», и бывшего премьер-министра Венгрии Миклоша Немета, открывшего в 1989 году венгерско-австрийскую границу для беглецов из ГДР. Я видела, как эти аплодисменты переросли в долго несмолкающую овацию, когда в зал вошел Михаил Горбачев. Потому что если бы не Горбачев, ничего этого — ни падения Берлинской стены, ни Бархатной революции, ни открытых границ — не было бы. Об этом говорили все мои собеседники во всех странах этого проекта. Из семи стран, в которых я побывала в процессе работы, две — ГДР и Чехословакия — эпоху перемен не пережили.

Когда я только задумывала этот проект, мне хотелось рассказать об изменениях, которые произошли в бывших социалистических странах, через то, как изменились бренды, которыми эти страны были знамениты. Я провела опрос среди читателей газеты «СБ. Беларусь сегодня», в которой тогда работала, и они сказали, что помнят Румынию по мебели, Болгарию — по помидорам и сигаретам, Венгрию — по кубуку Рубика и токайским винам, Чехию — по пиву и богемскому стеклу, Польшу — по духам «Быть может», а ГДР — по сервису «Мадонна» и фильмам про индейцев с Гойко Митичем, а брендов Словакии не знают совсем: не было такой страны в социалистические времена. И я поехала выяснять, что же со всеми этими

марками (мы же не знали тогда слова «бренд») стало. Оказалось, что выжили немногие, а больше всего выживших в Чехии. Оказалось, что через исчезновение этих марок многое можно узнать об истории изменений после 1989 года: как, спеша поскорее «в рынок», за копейки продавали заводы и фабрики, а в некоторых странах и атомные электростанции, как тысячи людей оставались без работы, как вчерашние плюсы становились сегодняшними минусами, как вчерашнее плохое становилось сегодняшним хорошим, как вчерашние политические заключенные становились президентами, и как при этом трудно было перестроить сознание — труднее, чем найти новую работу. Многие так и не смогли перестроиться и остались жить при социализме, пусть и мысленно. Ностальгия по тем временам есть практически везде, но многие путают ее с грустью по ушедшей молодости.

Начиная этот проект, я думала, что завершу его за два года, но смогла лишь через пять — финалом стала конференция в Праге в ноябре 2019 года, посвященная 30-летию падения железного занавеса. Пять лет — от юбилея к юбилею. За эти пять лет я провела множество интервью с самыми разными людьми — от последнего царя Болгарии Симеона II, последнего генерального секретаря ЦК СЕПГ Эгона Кренца и первого премьер-министра независимой Словакии Владимира Мечъяра до одного из богатейших людей Румынии и визионера Флорина Талпеша, всемирно известного польского кинорежиссера Кшиштофа Занусси и Яноша Кобора, фронтмена венгерской группы «Омега». Я встречалась с политиками — от коммунистов и левых до самых правых, я говорила со звездами, миллионерами, учителями, пенсионерами и предпринимателями. И постепенно, постепенно у меня в голове складывалась картина их меняющегося мира. Одни проклинали социалистическое прошлое, другие плакали о его утрате. Люди, выросшие при социализме, печально качали головами: глупые мы, так много потеряли, так неразумно провели преобразования, можно ведь было по-другому. Люди, родившиеся после 1989 года, смотрят на мир совсем другими глазами, они не понимают, как можно ностальгировать по временам, когда нельзя было свободно передвигаться по миру. Эту открывшуюся свободу передвижения назвали главным достижением революций 1989 года во всех странах. Мне кажется, что этого мало, и я продолжаю искать другие достижения. Они, конечно, есть, но вот так, чтобы безусловное и для всех — только это.

Я вошла в этот проект с одним видением ситуации и вышла с другим. Не кардинально противоположным, но — другим. Так часто бывает: нам кажется, что это мы управляем своими проектами, но ино-

гда мы упускаем тот момент, когда они начинают менять нас. Я своим изменениям рада. Вспоминая оленей из парка Шумава, я точно знаю: мы, рожденные в СССР и других «странах социалистического блока», сможем перейти границу. Потому что границы существуют только в нашем сознании, и преодолеть их — в наших силах.

За пять лет, пока шел этот проект, в жизни вовлеченных в него людей происходили изменения — они меняли работу, переезжали в другие города и страны: жизнь не стоит на месте. Но я оставляю в тексте указания на те должности, которые они занимали во время нашей встречи. Для многих — учителей, студентов, офисных работников и мелких предпринимателей — не так и важно, кем они работают сейчас. Но, например, для депутатов парламента выборы могли все изменить. Но в этой книге они будут говорить тем голосом и в той должности, в какой говорили со мной во время работы над проектом.

Я не ставила перед собой цели рассказать про революционный 1989 год — об этом написано и сказано много. Моя книга не об этом. Она о том, как люди, прошедшие через перемены, и люди, родившиеся после них, оценивают свою жизнь сейчас, как оглядываются на те события сегодня. Она о том, что разные поколения видят эти события по-разному и свою нынешнюю жизнь оценивают по-разному, о том, что иногда члены одной семьи не понимают друг друга, как это происходит, например, в семье румынского кинорежиссера Раду Жуде. Правда у каждого своя, и мне хотелось услышать и рассказать вам каждую. Задача, конечно, непосильная, но я попробовала.

Надеюсь, что, читая эту книгу, вы будете узнавать себя, потому что люди в Восточной Европе прошли через то же, через что прошло поколение людей, родившихся в СССР, — пустые полки в магазинах, эйфорию от свободы, которая на кого-то свалилась внезапно, а для кого-то стала результатом многих лет усилий, шоковую терапию, потерю работы, утрату уверенности в завтрашнем дне, распад страны. Нам только кажется, что наш опыт уникален. Сейчас, завершив этот проект и анализируя массив полученной информации, я могу смело сказать: мы уникальны масштабом и количеством стран, на которые распался Советский Союз. В остальном мы с восточными европейцами схожи. Послушайте их — и вы узнаете себя.

Эта книга не ставит перед собой задачу анализировать причины и следствия, нет — это просто рассказ людей, некоторые из которых были свидетелями перемен, а некоторые эти перемены творили сами. Не обещаю, что чтение ее будет всегда приятным, но надеюсь, что в любом случае окажется познавательным.

Болгария в поисках процветания

Как там говорили в советские времена? «Курица — не птица, Болгария — не заграница»? Еще говорили про всесоюзную здравницу, «братушек», шестнадцатую республику и особую близость. Вооруженная детскими стереотипами и знанием о том, что если киваешь, то в Болгарии это «нет», а если мотаешь головой, то соглашаешься, я прилетела в Софию. Первый подвох: люди говорят какими-то знакомыми словами, единичные ты улавливаешь, но все равно ничего не понимаешь. Вот те на — в Болгарии нужен переводчик! День примерно на третий улавливаешь уже целые абзацы, но переводчик по-прежнему нужен. Так и общались: я им по-русски, они мне по-болгарски. Говорили открыто («я вам честно скажу» — самая повторяющаяся фраза), от души — о том, как советско-болгарская дружба сменилась американо-болгарской, о том, что «судьба Болгарии никогда не решалась в самой Болгарии», и нынешнее время — не исключение в этой давней, хотя и не любимой, традиции. Говорили о разочаровании, потерянных годах, бедности и о том, что «все уезжают».

Во всех странах, в которых я побывала, когда работала над этим проектом, мне говорили про «образцы для подражания»: страны, на которые равнялись. В Чехии и бывшей ГДР в 1989 году мечтали, что пять лет хорошенько поработают, а потом заживут, «как в Германии», в Словакии и Венгрии мечтали жить, «как в Австрии». «А на кого равнялись в Болгарии?» — спрашивала я у местных. Они терялись и говорили, что Болгария никогда не была богатой, что и при социализме была далека от процветания, но «все же у нас никогда не было так плохо, как в Румынии». Ага, думала я, вот как здесь сравнивают. Кстати, сегодня согласно статистике ЕС, Болгария — самая бедная страна союза, Румыния ее обошла. При социализме, говорили мне, болгары хотели жить, как югославы. Но что произошло с Югославией, вы знаете. А что случилось с Болгарией, я вам расскажу.